

CENTRAL ASIAN JOURNAL OF LITERATURE, PHILOSOPHY AND CULTURE

Volume: 02 Issue: 06 | June 2021

ИЗУЧЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ МИФА В ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКЕ XX ВЕКА

Д.Н. Низамиддинов

*доктор филологических наук, профессор Джизакского регионального центра
переподготовки и повышения квалификации работников народного образования*

А.И. Суярова

*А.И. Суярова, ассистент Джизакского филиала Национального Университета Узбекистана
имени М. Улугбека. Город Джиззак*

Received 3rd March 2022, Accepted 28th April 2021, Online 8th June 2021

Аннотация: В статье кратко рассматриваются классические научные труды западных ученых XX века, в которых выражены различные формы и подходы к мифологии: ритуальный, функциональный, социологический, структурный, символический и др.

Ключивые слова: Мифология, литература, структура, форма, функция ритуального, функционального, социологического, структурного, символического и др.

Anatation.

At the article briefly discusses classical scientific works of Western scientists of the XX century in which various forms and approaches to mythology are expressed : ritual, functional, sociological, structural, symbolic and others.

Современный исследователь функций и проявлений мифа в искусстве и культуре наших дней неизбежно включает в свой методологический аппарат фрагменты отдельных, подчас не только противоречащих друг другу, но и дополняющих друг друга в диалектическом единстве подходов к мифологии, родившихся в России и за рубежом в XX веке: ритуального, функционального,

социологического, структурного, символического и др. Так, анализируя причины и истоки обращения художников слова XIX столетия к мифу, воспроизведения ими мифологических форм и структур, мы во многом будем опираться на выводы основоположника функционализма, английского этнографа Б. Малиновского. Исходя из предпосылки максимального единства мифа и обряда, Б. Малиновский исследует функциональную значимость мифологии в живом культурном контексте и приходит к выводу, что бытие мифа в первобытном обществе определяется, в первую очередь, не познавательной его функцией, а потребностями в регуляции и кодификации реальной жизни социума. Наибольшую значимость, по мнению этнографа, миф в родовом обществе несет на себе прежде всего, как оплот морали, регулятор ценностных приоритетов, оправдание социальной организации общества, метаязык, с помощью которого адаптируются абстракции и другие новые и труднодоступные понятия — и вследствие этого — как средство общей гармонизации бытия человека, рода, общества.

В этом отношении близкими к работам Б.

Малиновского оказываются труды представителей французской социологической школы: Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля. Французские социологи однозначно склонны видеть субъект мифологического мышления не в отдельной индивидуальности, а в коллективе, вследствие чего сам миф становится у них «коллективным представлением». Остановив свое внимание преимущественно на тотемистических культурах, Л. Леви-Брюль выводит стабилизирующую функцию мифологических представлений уже не из ритмической повторяемости напрямую связанных с мифом обрядом и ритуалов, а из самой природы верований в тотемного первопредка. По мнению Л. Леви-Брюля, генезис мифологии коренится в родовых отношениях, но и сами эти отношения поддерживаются мифологией. Ученый пытается и более глубоко рассмотреть корни центральной для него идеи мифологии — идеи рода. В ее основе лежит общемифологический эффект «партиципации» (сопричастия) — переноса свойств одного объекта, явления — на другой вследствие недискретности мифологического восприятия мира. Второй составляющей родовой идеи, по Л. Леви-Брюлю, является коллективное представление о сакральности первопредка: она приобретает некоторые черты мистицизма, но сохраняется с утратой ощущения непосредственного родства с культурным героем и стабилизирует при этом бытие социума. Так в работах представителей французской социологической школы начинает вырисовываться абстрагированный от конкретных культов и пантеонов субстрат мифологического сознания.

Аргументированным доказательством его существования в это же время становятся фундаментальные исследования английского этнографа и историка религии Дж. Дж. Фрезера. Систематизируя разноплановые и

полиэтнические культы и обряды на основе одного магического обряда или текста Священного писания, Фрезер к тому же чрезвычайно близко подходит к понятию мифологемы, которым оперируют практически все исследователи современных трансформаций мифа в литературе.

Наконец, теория мифа Эрнста Кассирера представляет собой первое исследование мифологии как автономной формы культуры. Исследователю удается преодолеть представления об ущербности, бессистемности мифологического мышления по сравнению с мышлением логическим, научным. Согласно сделанным им выводам, мифомышление не только обеспечивает ощущение непрерывности пространственно-временного континуума, единения личности и рода, индивида и социума, но и позволяет построить единую картину мира как таковую и спроецировать в нее познающую личность. Вопрос о субъекте мифологического мышления разрешается Э. Кассирером из глубины мифической реальности: ученый свидетельствует об отсутствии четких границ между «Я» и «не—Я», невычленности субъекта из действительности. Такой взгляд на данную проблему дает Э. Кассиреру возможность разглядеть в акте отождествления зарождающихся идей с соответствующими формами реальной жизни. Процесс символизации, равный актам творения мира и познания, причем это познание в символах, ориентирующих неизвестное и далекое на известное и близкое, и становится, по сути дела, необходимым гарантом ощущения единства жизни, из чего следует, что мифологическое чувство единства и непрерывности жизни Эрнст Кассирер понимает уже не только как интерпретацию тотемистических верований, проявление родовой идеи, но и как свойство самой структуры мифомышления. Отсюда неудивительно, что столь обширное место занимают в его работах элементы анализа мифологических представлений о

пространстве, времени, числе. Исследователь наглядно демонстрирует специфичность этих базовых категорий мифологического мышления: вскрывает механизм семантизации пространства посредством отождествления его качественной наполненности с самими пространственными структурами, подмены причинно-следственных отношений отношениями смежности предметов в пространстве; раскрывает значение оппозиции сакрального и профанного в формировании циклической концепции времени. Философ также впервые диаметрально разводит миф и аллегория по принципу различения/неразличения знака и присущего ему содержания. Таким образом, исследования Эрнста Кассирера становятся наиболее близким прототипом современных семиотических исследований в области мифа. В своих трудах он подготавливает почву для рассмотрения мифологии в качестве кода, метаязыка, семантического поля, обладающего функционально адекватными и автономными законами.

Аргументированным доказательством его существования в это же время становятся фундаментальные исследования английского этнографа и историка религии Дж. Дж. Фрезера. Систематизируя разноплановые и полиэтнические культы и обряды на основе одного магического обряда или текста Священного писания, Фрезер к тому же чрезвычайно близко подходит к понятию мифологемы, которым оперируют практически все исследователи современных трансформаций мифа в литературе.

Наконец, теория мифа Эрнста Кассирера представляет собой первое исследование мифологии как автономной формы культуры. Исследователю удается преодолеть представления об ущербности, бессистемности мифологического мышления по сравнению с мышлением логическим, научным. Согласно сделанным им выводам, мифомышление не только обеспечивает ощущение непрерывности пространственно-

временного континуума, единения личности и рода, индивида и социума, но и позволяет построить единую картину мира как таковую и спроецировать в нее познающую личность. Вопрос о субъекте мифологического мышления разрешается Э. Кассирером из глубины мифической реальности: ученый свидетельствует об отсутствии четких границ между «Я» и «не—Я», невычленности субъекта из действительности. Такой взгляд на данную проблему дает Э. Кассиреру возможность разглядеть в акте отождествления зарождающихся идей с соответствующими формами реальной жизни. Процесс символизации, равный актам творения мира и познания, причем это познание в символах, ориентирующих неизвестное и далекое на известное и близкое, и становится, по сути дела, необходимым гарантом ощущения единства жизни, из чего следует, что мифологическое чувство единства и непрерывности жизни Эрнст Кассирер понимает уже не только как интерпретацию тотемистических верований, проявление родовой идеи, но и как свойство самой структуры мифомышления. Отсюда неудивительно, что столь обширное место занимают в его работах элементы анализа мифологических представлений о пространстве, времени, числе. Исследователь наглядно демонстрирует специфичность этих базовых категорий мифологического мышления: вскрывает механизм семантизации пространства посредством отождествления его качественной наполненности с самими пространственными структурами, подмены причинно-следственных отношений отношениями смежности предметов в пространстве; раскрывает значение оппозиции сакрального и профанного в формировании циклической концепции времени. Философ также впервые диаметрально разводит миф и аллегория по принципу различения/неразличения знака и присущего ему содержания. Таким образом, исследования Эрнста Кассирера становятся

наиболее близким прототипом современных семиотических исследований в области мифа. В своих трудах он подготавливает почву для рассмотрения мифологии в качестве кода, метаязыка, семантического поля, обладающего функционально адекватными и автономными законами.

Литература

1. Malinowski B. *Myth in Primitive Psychology* — London, 1926.
2. Леви-Брюль Л. *Первобытное мышление*. — М. 1930.
3. Его же: *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. — М., 1937.
4. По такому принципу построены два наиболее значительных исследования этнографа, переведенные на русский язык: Фрэзер Дж. *Золотая ветвь: Исследование магии и религии*. — М. 1983; Его же. *Фольклор в Ветхом Завете* — М., 1985.